

ДНЕВНИК
ТАНИ
ВАССОЕВИЧ

Таня Вассоевич начала вести дневник 22 июня 1941 года - с первого дня войны. Девочка жила на 6-й линии Васильевского острова, в доме № 39. Её отца Николая Брониславовича война застала далеко от дома в геологической экспедиции. Таня оставалась в городе с мамой Ксенией Платоновной и 15-летним братом Володей.

Володя умер в январе 1942 года. Девочка сама занималась похоронами брата, потому что мама была уже слишком слаба, - её не стало спустя месяц. Прежде чем 13-летняя Таня смогла организовать вторые похороны, тело Ксении Платоновны 9 дней пролежало в квартире. В своём дневнике девочка-подросток нарисовала план кладбища и отметила места захоронения близких в надежде, что, если выживет, обязательно установит на могилах памятники. Так и произошло. Обозначая в дневнике всё, что связано с датами смерти и захоронения близких, Таня использовала придуманный ею шифр: дело в том, что всю эту информацию она рассматривала как сугубо личную, сокровенную.

Пройдёт более 40 лет, и в 1985 году Татьяна Николаевна Вассоевич сделает запись-признание: «Хлопоты похоронные мне десять лет после блокады снились. Ещё чаще снилось, что я маму спасаю, должна спасти её от смерти». Она часто вспоминала, как за три дня до смерти брата к ним зашла учительница музыки Мария Михайловна и рассказала, что её муж умер от голода. Брат Володя произнёс: «Почему же вы не сказали, что он умирает от голода? Я бы отдал ему свой хлеб». Это было 20 января, а 23-го брат сам умер от голода. Вот такая сила духа была в этом мальчике.

Таня Вассоевич закончила художественное училище и архитектурный факультет ЛИСИ. Много лет она преподавала детям изобразительное искусство. Она прожила долгую жизнь, покинув этот мир в 2012 году.

Её сын, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Андрей Вассоевич, рассказывает: «В 90-х годах стало модным говорить о том, что в Ленинграде процветал каннибализм, а люди потеряли человеческий облик, - маму это страшно возмущало. Мама, наоборот, часто вспоминала благородные поступки блокадников. Её дневник перекликается с тем, что писала пережившая блокаду поэт Ольга Берггольц: «...мы счастье страшное открыли, - /достойно не воспетое пока, - /когда последней коркою делились, /последнею щепоткой табака...» «Город выжил, потому что люди думали не о себе, а о других».

22 июня 1941 года. В 12 часов дня объявили, что началась война. По радио выступал т. Молотов с речью. Мама плакала. Я улыбалась. (...)

Весь день 22-го прошёл в хлопотах: бегали с Вовой и мамой по магазинам и в сберкассе и к Люсе. (...)

23.VI. Днём побежала в художественную школу к Петру Павловичу Казакову. Рисунков я не взяла, и шла так, поделиться впечатлениями.

П. П. был у себя в новом кабинете. Я нерешительно постояла перед дверью и вошла. П. П. поздоровался и спросил: «Ты работы принесла или так побеседовать?» Я сказала, что «так». «А я вот работы собираю, думаю, на фронт придётся».

Мы поговорили, так о войне, о том, что немцы взяли, сколько сбили самолётов, П. П. собрал работы, мольберт, и мы вышли. На улице было ветрено, но тепло. Шли молча, мне хотелось спросить какой он лётчик, но не решилась. Вместе дошли до угла Среднего, П. П. пожал мне руку, попрощались и... он ушёл, а я пошла домой. (...)

28.VI. (...) Слышала, что школы будут эвакуироваться. Мы все считаем, что это сумасшествие. Я категорически против поездки. Была у Ириной мамы (Ира в пионерлагере), она ездила в Сиверскую и говорит, что Ира может не заезжая в Ленинград эвакуироваться.

Я страшно этим напугана: хочу если уж ехать, так с Ирой. (...)

Первые дни жизни в Валдае мы очень скучали по дому и страшно беспокоились за оставшихся в Ленинграде. То нам казалось, что Ленинград бомбят, когда приехал кто-то из Ленинграда, нам показалось, что город уже у немцев, но от нас скрывают, и так всё время. (...)

17.VII. (...) В 10 часов утра мы были в Ленинграде!!! У вокзала мама с тётёй Наташей наняли такси, и мы поехали домой. (...) Мы проехали мимо многоуважаемой Академии Художеств, но... вместо художников на раскрытых окнах сидели красноармейцы и военные. (...)

В Валдае мы были оторваны от мира и ничего не знали о фронте и о жизни города. Только приехав в Ленинград я узнала, что с 18 июля вводятся карточки. Конечно, мы приняли соответствующие меры, т. е. весь день гонялись по магазинам, хотя я чувствовала себя после дороги плохо. (...)

23/VII. К нам пришла управдом и сказала: «Срочно собирайтесь, через час вы поедете на трудработы в Красное село». Я и Вова собрались и вышли к воротам. (...) Мы доехали до Гатчины. Здесь вышли все. Военные указали нам дорогу, и мы пришли в садик, вернее разместились под де-

ревьями у дороги. Я только развязала рюкзак и вынула бутылку кефира, как что-то тихо загудело и люди закричали, что тревога. Я стала собирать вещи не очень-то спеша, как делала это в Ленинграде во время тревоги. И вдруг над головой зажужжали немецкие самолёты и где-то рядом забабало. Это были первые залпы в моей жизни, и я очень испугалась. Запихнув вещи в рюкзак, я кинулась за нашими, которые неслись к придорожной канаве. Все мы легли плашмя в канаву, я накрыла голову рюкзаком. До сих пор не знаю, были ли это бомбы или зенитки, но что-то так громко бабахало, и казалось, ещё ближе, ближе и вот разорвётся над нами. Но вот стало утихать, и потом совсем стало тихо. Мы поднялись из канавы бледные, все в пыли. (...) Опять залпы. Мы бежали к парку, а военные, стоявшие на карауле по дороге, указывали нам путь, смеялись и говорили: «Ничего, привыкнете!» (...)

27/III. 23/I-42 г. в 6 ч. 28 м. умер Вова.

1942 г. - 17/II в 11 ч. 45 м. умерла мама.

(...) Страницы склеены, чтоб никто не видел самого сокровенного. На похоронах были тётя Люся, Гросс-мама, я и Толя Таквелин - Вовин лучший друг и одноклассник. Толя плакал - это растрогало меня больше всего.

Я договорилась с Худяковым, который вырыл могилу Вове, чтобы он рядом вырыл могилу папе Иры Разумовской - Александру Николаевичу, и он сделал в правую сторону нишу, где поставили гроб Александра Николаевича.

Маму хоронили я и Люся.

Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии за хлеб. Худяков вырыл за крупу и хлеб. Он хороший и взял с меня, что у меня было и не ругался и был добр ко мне. Мама на похороны Вовы не ходила - у неё уже не было сил. (...)

Я стояла в комнате у печки отвернувшись и не плакала. Мне было страшно. Я не понимала, не верила... я никогда в жизни не видела близко мёртвого человека.

Мороз. Яркое солнце. Я иду в детскую больницу на 3-й линии. Взять свидетельство о смерти. Я в Вовиной шубе. (...) Гл. врач находит картотеку Владимира Вассоевича и крупными буквами поперёк выводит УМЕР. (...)

Гр-мама и Люся выносят Вову. Лидия Ив. Моткевич вышла. Перекрестилась. Люся везёт гроб, Гр-мама и я идём. Рядом везут Иркиного отца. С нами идёт Толя Таквелин. Два голубые гроба. Люди спрашивают, где

Во время войны школьнице Тане Вассоевич пришлось резко повзростеть: на её детские плечи легли похороны брата и мамы в самую страшную, первую, блокадную зиму.

Таня Вассоевич училась в художественной школе, поэтому на страницах её дневника часто встречаются рисунки. Став взрослой, она сама много лет будет преподавать детям изобразительное искусство. Фото и страница из дневника - из личного архива А. Вассоевича.

заказали такие хорошие. 1 раз в жизни я на кладбище. Яма. Как оказывается, всё просто. Толя плачет. Так вот кто любил Вову! (...)

31/III в 12 ч. Позвонила я по телефону в НГРИ. Попросила Татьяну Александровну и спросила насчёт эвакуации. Она сказала, что от папы пришла телеграмма, где он пишет, что доверяет деньги Люсе и, если возможно, просит доставить меня в Сухум. (...)

9/V. (...) Часов в 6 вечера приехали в Ростов. Мы поражены: носильщики с медалью и в белом фартуке. Впервые за столько времени видим!!!

29/VIII. Просыпаюсь на рассвете. Стоим в Килиязи. Не знаю, то ли это место, которое мы проезжали, когда ездили в Алты-Агач, но я его не узнаю. Я с Софьей сбежали в селение. Домики стоят за пустырьём. Походили по саклям. Мне очень нравятся их жилища: глиняные сакли, некоторые вроде двухэтажных, поразительной чистоты. (...)

7-е ноября. Узнала, что Серёжа умер. Я так его любила и люблю. Это ужасно. Умер родной брат Вова и двоюродный Серёжа. Больше никого нет. (...)

Август 1944. (...) Садимся и едем. Говорят, на рудник. Интересно! (...)

От штольни отходят ходы в несколько сторон, мы идем по одному, рельсы кончаются, а через несколько метров тупик. Воздух здесь сжатый, как будто пыльный. Здесь недавно был взрыв. Кругом лежат куски камня. Немного возвращаемся, идём в другую сторону. Здесь бурят. (...) Под потолком висит карбитная коптилка и какой-то мужчина нагнувшись сверлит. Шум очень большой, голоса не слышно. Но вот он кончил, выключил. Тишина. Это стахановец, лучший забойщик, выполняет по 2-3 нормы. Он весь покрытый серой пылью и только видны красные губы. Мне кажется, что хуже работы в шахте нет. (...)

Едем на Алтайский разрез. Вечером остановились у одного дома, решили ночевать на улице. Кто-то сказал, что идёт кино «Моряки» или что-то вроде. Я сначала не хотела, но потом подумала и пустилась догонять. Темно, незнакомые места. В кино почти ничего не видала. А на нас смотрели: грязные, незнакомые, в брюках. (...)

День рождения, 28 августа 1944. Итак, утро. Я ходила за водой, на рынок. Ходила к Гале Бородавченко предупредить, чтобы пришли вечером. Днём явилась Марина с Ксаной. Первая преподнесла мне небольшой пирожок, вторая - тыкву. Люся б хороших перлам. пуговичек.

Пошла записалась в школу. Ничего интересного. «Ваши документы» и «Вы свободны»... Вечером пришла Марунька с Галей. Она принесла букет

Таня - в ленинградской квартире семьи. После смерти мамы и брата, когда она осталась дома одна, с девочкой произошло чудо. В середине квартиры стояла глыба льда - замёрзший аквариум с застывшими во льду рыбками. Когда весной лёд растаял, с ним оттаяла и одна золотая рыбка и вновь начала плавать.

После Победы повзрослевшая Таня недосчитается многих из тех, кого знала до начала блокады. Вернувшись из эвакуации в освобождённый Ленинград, она первым делом пошла к лучшему другу своего покойного брата Толе. От его мамы она узнала, что юноша умер вскоре после её брата. Таня пыталась найти ещё четырёх друзей Володи - все они умерли в блокаду.

Фотографии на странице - из личного архива А. Вассоевича.

астр и 3 карандаша! Потом Надя Бородавченко. Она тоже привезла букет астр и георгин. Позвала Марину.

Я вставила всем по цветку в голову. У меня были 2 красных георины, за что меня назвали Кармен. Играли в мнения. Когда собирали мнения о Марине, кто-то сказал «котёночек», а я добавила «тигрёночек», а она потом сказала про меня «девочка не без капельки ехидства». (...) Пили чай, потом загадывали загадки и... разошлись по домам. Нельзя сказать, чтобы я была недовольна вечером. Ибо было сделано всё возможное. Но и не было ничего счастливого.

Новый 1945 год. 1, 2, 3 - готовлю спешно костюм.

3.1. Вот и долгожданное число: сегодня в школе Бал-маскарад. (...)

Сначала концерт самодеятельности. Неважный, в пионерской холодно. Наконец, пустили на 2-й этаж. Там устроены комнаты очень хорошо. 1-я восточная гостиная: диван, ковры, возвышение, вроде как в чай-хане. 2-я: много ёлок в снегу, синий свет, на одной стене голубая материя, на ней месяц, звёзды. 3-я буфет. Танцы в коридоре.

Приглашён был джаз Орлова - пограничников. Очень хорошо пели и танцевали. Я всё время танцевала, хоть и не совсем всегда ладно. Переоделась я в костюм принцессы Турандот. Он хороший, даже очень. Все приняли его за костюм из костюмерной и (очевидно оттого не дали премии). Костюмов много. Хорошие из костюмерной, самодельные так себе.

В раздевалке вырезали стекло - украли 3 пальто, был небольшой переполах. В первом часу пошли домой. А я не натанцевалась! (...)

9 мая 1945. Вот день, которого миллионы людей ждали почти четыре года. А ждала ли я его? Да, я повторяла за всеми: «Скорей бы кончилась война!» Конечно, я хотела, чтобы она кончилась, но было что-то другое. Может, я немного боялась этого дня; я считала, что встретить его я должна, как-то серьёзно, что к этому времени должно что-нибудь произойти.

Мне хотелось встретить его как-нибудь серьёзно, чтобы я в это время где-нибудь по-настоящему работала. У меня не было радостного веселья, у меня была какая-то строгая радость. Я танцевала и пела, но мне (пожалуй) больше хотелось сказать людям что-нибудь такое, чтобы они стали бы сразу смелыми, честными, добросовестными и трудолюбивыми. Чтобы они поняли, что же в жизни есть хорошее, когда бывает действительно весело, а действительно бывает только тогда, когда ты сделал какое-нибудь трудное и благородное дело, и потом веселишься. Тогда веселье и счастье бывает настоящее.